

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

КИЖИ КАК ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ЛОКУС В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1970-х ГОДОВ*

Рассматриваются особенности репрезентации острова Кижь в русской прозе 1970-х годов. Идиллическая модальность в описании острова проявляется в поэтизации и идеализации конкретного географического пространства за счет введения сказочных, легендарных, пасторальных мотивов, лирических отступлений, образа северного Эдема. Элементы кижской идиллики рассмотрены на материале произведений Л. Озерова, В. Пулькина, И. Стрелковой, А. Житинского. Литературные источники позволяют установить, что идиллика в 1970-е годы становится главенствующим началом в изображении острова, приобретая статус «по умолчанию». Объяснение этому коренится в особенностях самой местности, например, в гармонии природного и культурного начал, воплотившейся в знаменитом архитектурном ансамбле, а также в островном положении Кижей, которое выделяет их в окружающем пространстве.

Ключевые слова: остров Кижь, идиллия, литературная топография, репрезентация пространства

1970-е годы можно считать временем особого интереса к острову Кижь в русской литературе. О причинах этого интереса и особенностях репрезентации острова в художественных текстах с полной достоверностью можно будет говорить по итогам анализа если не всего корпуса произведений о Кижях, то по крайней мере существенной его части. Пока же этот интерес легко выявляется уже при обращении к библиографии вопроса: из 24 источников, перечисленных в разделе «Проза» в тематическом указателе «Кижь», 17, то есть чуть более двух третей, датированы 1970-ми годами [3; 49–50]. Эту статистику нельзя считать окончательной. При составлении указателя были учтены не все художественные произведения, в том числе не все прозаические тексты 1970-х годов. В частности, в нем отсутствует указание на рассказ А. Н. Житинского «Путевка в Кижь», опубликованный на официальном сайте писателя и датируемый 1974 годом. Тем не менее при всех необходимых коррективах, которые еще будут сделаны исследователями, сама пропорция едва ли существенно изменится.

Кижские сюжеты в этот период разрабатываются в разных, преимущественно малых, прозаических жанрах. Это рассказы и повести («И уплывают пароходы, и остаются берега...» Е. Носова (1975), «Лешка и хиппи» И. Стрелковой (1973), «Кижские рассказы» В. Пулькина (1973)), путевые заметки («Онежская быль» Л. Озерова (1972)), очерки («Кижь» С. Волынского, «Кижская гармония» Ю. Линника (1972)). Жанровые границы, впрочем, часто размыты. Во многих текстах просвечивает очерковое начало с его ориентацией на живые реалии места и времени. Это заметно в названиях, жанровых подзаголовках, в тезаурусе авторов: здесь часто

встречаются понятия «быль», «бывальщина», кижские топонимы и местные реалии. По своим художественным достоинствам эти тексты демонстрируют широкую палитру от произведений, отмеченных драматизмом и смысловой насыщенностью (А. Житинский, В. Пулькин), до уровня дидактической беллетристики (И. Стрелкова). При этом с точки зрения литературной репрезентации пространства и его мифологизации в сознании современников тексты «второго ряда» не менее интересны, чем «первого».

В русской советской литературе 1970-х годов остров Кижь тяготеет к образу, воплощающему особое пространство гармонии. Для его художественной репрезентации «гармония» вообще одно из ключевых понятий. Оно нередко встречается в текстах, а в очерке Ю. Линника 1972 года вынесено в заглавие. Исключения редки, из перечисленных выше текстов только, пожалуй, повесть Е. Носова, написанная в духе деревенской прозы, отличается проблемным характером, Кижь показаны в ней как часть тревожного пространства современности. В подавляющем же большинстве произведений Кижь являют собой пространство, в той или иной степени противопоставленное травматичному современному миру – и географически, как остров, и общей модальностью повествования. Фабулы «кижского текста» отчетливо тяготеют к модели «путешествие на остров – катарсическое изменение персонажа».

Идиллическое начало в репрезентации Кижей задано самими реалиями – красотой ландшафта, архитектурного ансамбля, очарованием природной первозданности. В лирически приподнятых тонах описывает Кижь очерковая проза. С прекрасным видением сравнивает Кижь Лев Озеров

в рассказе «Онежская быль»: «Как бы красочно ни описывали Кижский, как бы ни боялся человек встречи с ними, они все равно предстают как чудо <...> О красоте Кижской знаешь заранее, будто это много раз слышалось и виделось во сне.

И вот... За елями, за ними, вместе с ними, облаками, зеленью островов возникают Кижский. С каждым мгновением они увеличиваются, приковывая внимание к себе, только к себе. Ведь благодаря им все-все окрест обретает привлекательность.

Видение Кижской!..» [5; 64].

Лирическая приподнятость в описании острова часто сочетается с идеализацией патриархального существования. Последнее по-разному проявляется в разных текстах: через введение сказочных мотивов, высокого стиля, лирических отступлений. Сказочные и легендарные мотивы, например, в значительной степени определяют образ кижского пространства в «досюжетных» и «быльских» В. Пулькина. В книге «Кижские рассказы» интересующий нас топоним неслучайно вынесен в заглавие – сам остров отчетливо выделен в некий смысловой центр заонежского пространства, совмещающий в себе чудесное и действительное: «Земля в Кижских хребтах у солнца греет. Сроду здесь сеют раньше всех в Заонежье. Еще в соседних деревнях прошлогодний хлеб в сусеках скребут, а уж в Кижских молодой каравай на столе» [6; 9] («Сказ об Иване, русского жителя человека, и кижской земле»). Дальше в сказах этот земледельческо-трудовой и ремесленно-трудовой (по М. М. Бахтину, см.: [1; 373]) идиллический хронотоп поддерживается многими деталями: от пейзажных зарисовок до легендарных сюжетов «плотничьей славы» кижан. То и дело здесь встречаются описания островных природных богатств, придающие острову черты северного Эдема: «Забегает в соснову боровину; черники, брусники – как насыпано. Можжевельник, сосна к солнцу тянутся – снизу синие, сверху золоченые. Стоят столбы – сосны, высоко держат зеленую кровлю» [6; 11]; «Под окнами в синих сумерках неспешно пробегают лоси: за грациозной самкой плавной иноходью плывет, покачивая короной рогов, лосиный бык. Вдали воют волки. И всю-то ночь на тесовом полу открытой галереи пляшут зайцы...» [6; 50]. Населяют чудо-остров мастера-умельцы, чьи таланты сопоставимы с умениями профессиональных признанных художников (см. сказ «Происхождение красоты» о визите на остров канадского художника Р. Кента).

Идиллический модус в «Кижских рассказах» не является единственно определяющим. Природа Севера сурова, события истории часто драматичны (см., например, сюжеты о кижском восстании), судьбы кижан непросты. Образ острова у В. Пулькина формируется на пересечении идиллических и драматических мотивов. Но повтор-

ность идиллических элементов акцентирует их, не позволяет им раствориться в тексте. Сам по себе каждый из них играет роль отдельной ноты в едином аккорде. Совокупность же, повторяемость придают стабильность всей системе.

Благодаря архитектурному ансамблю Преображенской и Покровской церквей Кижский – пространство не только природной, но и духовной гармонии. В прозе 1970-х годов религиозная сакральность эвфемистически трансформировалась в сакральность иных типов – трудовую, коллективистскую, патриархально-родовую, но сохраняла свое значение для места. Это особенно заметно в сказах В. Пулькина, где образ повествователя в его кижском «сидении» [6; 49] коррелирует как с воеводством, по определению самого автора, так и древнерусским монастырским летописанием (ср. также заглавие одного из сказов: «Святая Салма», где эпитет «святая» приложен к одному из онежских топонимов).

Пример последовательного описания острова как locus amoenus дает рассказ И. И. Стрелковой «Лешка и хиппи» (1973). По сюжету в музее мальчик-заонежанец встречает приплывшего на туристическом теплоходе хиппи, происходит столкновение двух культур, советской и буржуазной. Идиллическое изображение острова становится при этом существенной частью повествования. Рассказ начинается с характерного для идиллического мотива рыбной ловли на лоне природы: «Длинноволосый, в отрепьях, босой хиппи сидел на берегу Онежского озера, зажал меж латаных колен кривое короткое удище и нацеливал червя на крючок, как нитку в иголку» [7; 32]. Поддерживают ее пейзажные зарисовки, встроены в текст рассказа: «С пригорка... открылся весь Кижский погост. Будто плывет он по синей Онеге со всеми своими церквями и часовнями, с мельницей и старинными домами, с копнами сена по желтеющим лугам» [7; 32]. Погост с его строениями и Онега – части единого ландшафта. В описаниях И. Стрелковой показано то, что часто артикулируется и у других авторов: Кижский – это гармоническое единство природной и рукотворной красоты. По законам идиллического пространства человек и природа пребывают здесь в согласии.

Идиллический модус повествования помимо прочего предполагает особое мироощущение внутри него, когда «я» не выделено из окружающей мировой гармонии, но слито с окружением. Короткое описание островного хозяйства акцентирует цельность сосуществования «я» и «другого»: «В болотистой низинке, где для экскурсантов перекинули дощатые мостки, выкашивала свой участок бабушкина подружка баба Маня. Все копны сена, красиво разбросанные по острову, были не музейные, не для исторической картины, а простое сено личного скота работников заповедника» [7; 32]. В царствующем патри-

архальном укладе стерта граница между «своим» и «чужим», личным и музейным. А если безмятежность здесь нарушается, то ненадолго. Примечателен, например, эпизод, омрачивший работу бабы Мани, когда один из туристов, «старик в голубом картузе с прозрачным козырьком», взявшись помочь, теряет в траве клин косы. Старик смущенно извиняется и предлагает заплатить за починку, но платить оказывается не нужно: «– Нисколечки не стоит! – с торжеством выкрикнула баба Маня, углядевшая, что Лешка достает полузатоптанный деревянный клинышек» [7; 32]. Выразительна интонация торжества, знаменующая возвращение нарушенного было благополучия.

Идиллически-коллективистское «мы» свойственно и сознанию кижского аборигена Лешки, который, встретив на острове странного пришельца, берется замещать собой отсутствующего поначалу экскурсовода Толю: «Не знаешь немецкого? Толя с тобой на английском, на французском, на итальянском... На любом языке он сказал бы, значит, так: вы находитесь на острове Киж, в заповеднике старинной русской архитектуры...» [7; 32]. При этом в соответствии с законами этой художественной модальности невозможность объясниться с пришельцем (Лешка и хиппи говорят на разных языках) не мешает контакту собеседников. Персонажи легко понимают друг друга без слов. Обмениваясь взглядами, ожидая друг друга во время остановок, они продолжают вместе передвигаться по острову вплоть до самого финала.

Само пространство при этом оказывается полем для развертывания конфликтов, выходящих за пределы идиллики и формирующих собственно фабулу. Заонежский мальчик Лешка восхищается красотой кижского погоста и пытается открыть гостю эту красоту, пересказывая в спонтанной экскурсии кижские предания. Гость красоту не воспринимает, а в кульминационный момент рассказа выражает желание погост уничтожить в знак социального протеста. Логика пришельца для Лешки необъяснима. Это настоящее испытание для идиллического сознания, которое «знает только гармонию, только порядок и стабильность (статичность) и только необходимость. И это мир, который, соответственно, не знает дисгармонии, беспорядка (хаоса), изменчивости (динамики) и случайности» [4; 38].

И в очерке Л. Озерова, и в текстах В. Пulkина и И. Стрелковой видно, как работают на создание особого кижского хронотопа заданные самой реальностью параметры этого пространства, например его островной характер. Последний как бы выводит местность из координат обыденности и как нельзя лучше соответствует модели имманентной «узости и замкнутости идиллического мирка» [1; 352]. Имплицировано или выражено в кижских сюжетах чаще всего при-

сутствует объединяющий мотив путешествия, пересечения границ, географических и смысловых, ценностных. В рассказе И. Стрелковой, например, Киж с прямой беллетристической дидактики противопоставлены большому миру. Извне приходят теплоходы с туристами. Среди них – богатые иностранцы, родители хиппи. Большой мир, в отличие от острова, в изображении автора лишен черт подлинности, поэтому и сам хиппи оказывается ненастоящим: «Он у них под хиппи наряжается, но это у него для форса... мода... Настоящие хиппи уходят от богатых родителей, поселяются в трущобах... А он просто забавляется...» [7; 33].

Небольшой рассказ А. Житинского «Путевка в Киж» (1974) свидетельствует о том, что в 1970-е годы идиллический портрет острова Киж закрепляется и фактически становится значением «по умолчанию». В рассказе остров представлен как минус-пространство (используем этот термин по аналогии с термином «минус-персонаж»): несмотря на то что топоним вынесен в заглавие произведения, действие рассказа обходит его стороной. Житинский рассказывает историю не о том, как герои съездили на остров Киж, а о том, как они туда не попали. По сюжету молодая интеллигентная пара собирается в туристическую поездку на остров Киж. Но это только «отвод глаз» для родственников, которым не хотят сообщать о том, что героиня должна провести пару дней в больнице, чтобы сделать аборт. Словно бы две поездки совершаются в рассказе: мнимая – на Киж, действительная – в больницу. Смыслообразующий характер приобретает сюжетное соположение обоих, при этом роль несостоявшегося события подчеркнута вынесением его в заглавие. Киж в рассказе Житинского – рай, в который герои не могут добраться.

Место действия рассказа А. Житинского двоятся, означивая основную оппозицию гармонического существования и травмы современности. Киж становится пространственным выражением для первого элемента оппозиции: «Увлекательная прогулка в Киж! Ее можно было бы вспомнить с удовольствием, выйдя на пенсию. Поставить галочку в воспоминаниях: здесь я был, это я видел. Жизнь прошла не зря...» [2]. Однако именно в этот локус героям и не суждено попасть. Одетые в клетчатые рубашки, с рюкзаками за плечами, они отправятся в больницу, в которой все дисгармонично и тревожно: «Валентин оглядел окна, выходящие во двор, и увидел за их стеклами женщин, большею частью молодых, по двое и по трое в каждом окне. Женщины были в серо-голубых больничных халатах. Их лица показались ему некрасивыми, бедными, блеклыми, словно вылепленными из воска» [2].

Оппозицией мучительным впечатлениям в рассказе оказывается «нарядно изданный путе-

водитель по Кижскому заповеднику, приобретенный им специально для того, чтобы не дать маху в последующих разговорах с родственниками» [2]. В финале рассказа, когда герои возвращаются в родительскую квартиру после совершившейся операции, Валентин вдохновенно принимает рассказывать «о куполах Преображенской церкви, увенчанных деревянными крестами и словно взбегающих вверх к луковке главного купола; о чудесной резьбе, покрывающей наличники; о мельнице, стоящей неподалеку от храма и напоминающей огромный вентилятор; о Покровской церкви и колокольне рядом с нею; о легендарном строителе Несторе, бросившем по преданию свой топор в синие волны Онеги после окончания постройки со словами, что не было, нет и не будет такой церкви; о самих синих волнах Онеги, заключающих островок в спокойную оправу и отражающих высокое тихое небо...» [2]. Противовесом трагической коллизии становятся основные достопримечательности острова и сюжеты, связанные с ним (храмы, легенда о Несторе, Онежское озеро). При этом идиллическая репрезентация острова в рассказе уже не форми-

руется, а воспроизводится как нечто готовое, так же как и герой цитирует чужой готовый текст.

Таким образом, идиллические мотивы (пасторальные черты, образ северного Эдема и locus amoenus) в описании острова и его жизни можно назвать одной из констант «кижского текста» 1970-х годов. Детали разнятся в зависимости от жанра и задачи, которую ставил перед собой автор. В произведениях, отмеченных печатью художественности, идиллика зачастую драматизируется введением в сюжет трагических мотивов (истории трудных крестьянских судеб у В. Пулькина, трагедия бездетности в рассказе А. Житинского). Беллетристика же, напротив, стремится к сентиментальному дидактическому округлению конфликта (И. Стрелкова). Особенности проблематики и поэтики кижского текста [8; 391] 1970-х годов указывают на предпосылки формирования идиллического образа Кижей, в числе которых островное положение места, его патриархальный уклад, специфика ландшафта и, наконец, временной фактор, соединивший в 1970-е момент массового открытия Кижей и интерес советской интеллигенции к «живой старине».

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. Житинский А. Путевка в Кизи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.macca.ru/item.php?id=606>
3. Кизи: Указатель литературы. Петрозаводск: РИО Комиздат РК, 1995. 88 с.
4. Ляпушкина Е. И. Русская идиллия XIX века и роман И. А. Гончарова «Обломов». СПб., 1996. 148 с.
5. Озеров Л. Онежская быль // Юность. 1972. № 7. С. 63–68.
6. Пулькин В. Кижские рассказы. М.: Сов. писатель, 1973. 264 с.
7. Стрелкова И. Лешка и хиппи // Советская женщина. 1973. № 1. С. 32–33.
8. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Анциферов Н. П. Филология прошлого и будущего. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.

Shilova N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KISHI AS IDYLIC LOCATION IN RUSSIAN PROSE OF 1970's

The article examines specific features representing Kizhi Island in the Russian prose of the 1970's. This "idyllic" mode of Kizhi Island's representation is implemented through the poetization and idealization of this specific geographic location by means of fairy tale, mythological or pastoral motifs and lyrical digressions, which create the image of "the Eden of the North". In this article, we analyze the works of V. Pulkin, I. Strelkova, and A. Zhitinsky as examples of the established idyllic pattern in depicting Kizhi Island. Literary sources demonstrate that in the 1970's this idyllic approach became the dominant and mandatory literary tool used by all the authors describing the island "by default". This can be explained by some specific characteristics of the geographic area itself, such as the perfect balance between nature and culture, which was embedded in the world famous architectural ensemble of Kizhi Island; or the isolated location of the island, which distinguishes it from surrounding environment.

Key words: Kizhi island, idyll, literary topography, representation of space

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel [Formy vremeni i khronotopa v romane]. *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki* [Literature and esthetics questions]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1975. P. 234–407.
2. Zhitinskiy A. *Putevka v Kizhi* [The permit in Kizhi]. Available at: <http://www.macca.ru/item.php?id=606>
3. *Kizhi: Ukazatel' literatury* [Kizhi: literature index]. Petrozavodsk, RIO Komizdat RK Publ., 1995. 88 p.
4. Lyapushkina E. I. *Russkaya idilliya XIX veka i roman I. A. Goncharova "Oblomov"* [Russian idyll of the XIX century and I. A. Goncharov's novel "Oblomov"]. St. Petersburg, 1996. 148 p.
5. Ozerov L. Onega true story [Onezhskaya byl']. *Yunost'* [Youth]. 1972. № 7. P. 63–68.
6. Pul'kin V. *Kizhskie rasskazy* [Kizhi stories]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1973. 264 p.
7. Strelkova I. Leshka and hippy [Leshka i hippy]. *Sovetskaya zhenshchina* [Soviet woman]. 1973. № 1. P. 32–33.
8. Shilova N. L. The text of Kizhi in the Russian Literature [Kizhskiy tekst v russkoy literature]. *Antsiferov N. P. Filologiya proshlogo i budushchego* [Anciferov N. P. Philology of the Future and the Past]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2012. P. 391–395.

Поступила в редакцию 02.09.2013